

Кропотов В.В. УДК 903.2(4-11)"-01/02"
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ
ЗАСТЕЖЕК-ФИБУЛ)

***Аннотация.** В статье на материалах металлических застежек-фибул рассмотрены внутри- и внешнеэкономические связи населения Юга Восточной Европы во II в. до н.э. – III в. н.э. Выявление районов массового скопления фибул различных типов, а также определение центров их производства и рынков сбыта позволили наметить основные направления древних торговых взаимоотношений и восстановить общую картину исторического развития Юга Восточной Европы в сарматское время. В целом, анализ древних центров производства фибул и их рынков сбыта свидетельствует о существовании на Юге Восточной Европы стабильных экономических связей в течение всего периода безраздельного господства сарматских племен.*

***Ключевые слова:** сарматское время, фибулы, Юг Восточной Европы, древние ремесленные центры, экономические связи сарматского времени.*

***Анотація.** У статті за матеріалами металевих застіжок-фібул обговорюються внутрішні та зовнішні економічні зв'язки населення Півдня Східної Європи у період з II ст. до н.е. - III ст. н.е. Відкриття території масовій концентрації фібул різних типів, а також центрів їхнього виробництва та ринків збуту дозволило накреслити основні напрямки стародавніх торговельних відношень й відтворити загальну картину історичного розвитку Півдня Східної Європи у сарматську добу.*

В цілому, аналіз стародавніх центрів виробництва фібул та їх ринків збуту свідчить про існування на Півдні Східної Європи стабільних економічних зв'язків впродовж всього періоду панування сарматських племен.

***Ключеві слова:** сарматська доба, фібули, Південь Східної Європи, стародавні ремісні центри, економічні зв'язки сарматської доби.*

***Summary.** In the article on materials of metal fasteners-fibulae are considered intra-and foreign economic relations of the population of the South of the Eastern Europe in 2d century B.C – 3rd century A.D. Revealing areas of a mass concentration of fibulae of various types, and also the centres of their manufacture and commodity markets has allowed to outline basic ancient trading ways and to give the rough sketch of history of the South of the Eastern Europe during Sarmatian age.*

At an early stage (in second half 2d c. B.C. – first half 1st c. A.D.), throughout almost 200 years the Kuban Siraces closely contacted to Greeks of Bosphorus, while the Volga-Don and Black Sea Area Sarmatians collaborated with late Scythians of the Lower Dnepr and Crimea. These mutual relations remained invariable up to a powerful motion of tribes in the middle of 1st century A.D., which reversed completely an old ethno-political map of that region. After these migrations, up to the middle of 3rd century A.D., inhabitants of ancient Lower Dnepr settlements became the main partner of the spacious Sarmatian world, and the population of Crimean Foot-hill started to import fasteners from European part of Bosphorus and other antique centres, having managed to supersede their produce with products of the own manufacture (not completely) only by the end of 2d century AD.

From second half 1st c. A.D. the provincial Roman goods started to arrive on the South of the Eastern Europe actively (including fibulae), and Bosphorus carried out the leading role in this processes. After Roman occupation of Dacia (108 A.D.) provincial fasteners are delivered in region also through Northwest Black Sea Area, however this direction was not very important in a cargo transportation between the South of the Eastern Europe and Roman empire.

Intense events of the middle of 3rd c. A.D. have broken traditional economic relations of the South of the Eastern Europe with other areas. The expanse of Cherniakhov Culture in Northern Black Sea Area gave rise to the later ancient epoch and introduced in this region a fashion on the fibulae of Central European types.

***Keywords:** the Sarmatian age, fibulae, the South of the Eastern Europe, ancient craft centres, economic relations at the Sarmatian time.*

Постановка проблемы. Переход от скифской эпохи к сарматской на Юге Восточной Европы ознаменовался существенными изменениями в материальной культуре местного населения: вышли из употребления предметы, украшенные в так называемом зверином стиле, полностью сменились старые типы вооружения (мечи, копья и наконечники стрел) и конской упряжи (уздечные наборы), а также прекратилось строительство огромных курганов – усыпальниц представителей высших слоев общества. В числе нововведений сарматской эпохи, пожалуй, наиболее выразительное место заняла металлическая застежка-фибула – эффектное украшение, призванное скреплять между собой отдельные части верхней одежды. Единично подобные изделия (центрально-европейские и балканские фибулы) проникали в регион и ранее, но воспринимались здесь как диковинные безделушки и по прямому назначению не использовались. Однако во второй половине II в. до н.э. ситуация в корне изменилась, металлическая застежка-фибула стала неотъемлемой частью костюма сразу двух припонтийских народов – поздних скифов Нижнего Днепра и Крыма и сарматов обширных восточноевропейских степей. Широкое вхождение фибул в быт этих народов обусловило быстрое налаживание в Северном Причерноморье их местного производства. Причерноморские мастера, взяв за основу модные в Центральной Европе латенские застежки, творчески их переработали, приведя в соответствие с местными вкусами, и вскоре создали свои оригинальные формы, не имеющие

аналогов на Западе (так называемые фибулы причерноморских типов). Последние в I – III вв. н.э. составляли абсолютное большинство всех известных на Юге Восточной Европы пружинных украшений.

Среди многочисленных аспектов изучения фибул сарматского времени (II в. до н.э. – III в. н.э.) – разработки их классификации, определения хронологических позиций отдельных типов, основных направлений их развития и территорий распространения, вопрос о выявлении древних центров производства и рынков сбыта изготавливаемой в них продукции до сих пор остается мало освещенным в литературе, хотя его решение позволило бы достаточно полно охарактеризовать экономические и культурные связи народов Северного Причерноморья с населением сопредельных территорий.

Анализ литературных данных. Выделение на Юге Восточной Европы древних центров фибульного производства – одна из наиболее трудных задач археологии. Главная причина этого – практически полное отсутствие следов подобной деятельности в данном регионе. Несложные в изготовлении местные кованые застёжки не требовали ни литейных форм, ни сложного дополнительного оборудования. Служившие в качестве заготовок для них небольшие брусочки металла и кусочки волоочной проволоки ничем не отличались от заготовок других мелких бытовых предметов – браслетов, пряжек, колец и т.п., а испорченные при изготовлении образцы, как правило, сразу же шли на переработку. Едва ли не единственное исключение из этого правила – незаконченные фибулы из Танаиса: с кнопкой на конце приемника и сильно профилированные с бусинами на дужке. Именно на их основании А.К. Амброз связал производство всех фибул причерноморских типов с античными ремесленными центрами (в первую очередь, с Танаисом и Пантикапеем), допустив лишь для некоторых поздних форм иные источники поступления [2, с.92]. Последующие исследования позволили существенно пересмотреть эту точку зрения.

Так, Б.Ю. Михлин и Е.С. Нефедова, обратив внимание на находки испорченных заготовок бронзовых предметов (по их мнению, фибул) на позднескифских городищах Северо-Западного Крыма, высказались за возможность изготовления некоторых фибул местными позднескифскими мастерами [8, с.211; 10, с.200-201]. М.П. Абрамова, сопоставив северокавказские застёжки римского времени со средневековыми образцами, указала на появление собственного фибульного производства в Предкавказье во II в. н.э. [1, с.104-105]. М.Г. Мошкова, проанализировав особенности территориального распределения и результаты химических анализов материала заволжских и приуральских экземпляров, выделила особый южноуральский производственный центр [9, с.192-194].

Комплексный анализ всего массива фибул, найденных на Юге Восточной Европы за почти 200 лет археологических исследований [6, с.339-349], позволяет наметить еще ряд производственных центров.

Цель данной статьи – на основе комплексного анализа археологических данных выявить древние центры производства фибул на Юге Восточной Европы и рынков сбыта изготавливаемой в них продукции, чтобы охарактеризовать экономические и культурные связи народов Северного Причерноморья и сопредельных территорий.

Для решения поставленной задачи в работе использовались различные методы. Так, сравнительный и картографический методы применены для уточнения территории распространения отдельных типов фибул и выделения форм, характерных для определенных археологических культур. Корреляционный анализ позволил проследить закономерности сочетания различных типов фибул в закрытых комплексах и поделить их на отдельные хронологические группы. Ретроспективный – восстановить последовательный ряд развития целых фибульных групп и определить время и место их возникновения.

Изложение основного материала. Картографирование вообще всех известных на сегодняшний день находок фибул II в. до н.э. – III в. н.э. на Юге Восточной Европы сразу же позволяет наметить ряд ремесленных центров. Уже самый общий анализ распределения этих изделий выявляет несколько районов их наибольшей концентрации: в период расцвета раннесарматской культуры и на следующем этапе – это позднескифские памятники Нижнего Днепра и Крыма (рис.1 – 2), в средне- и позднесарматское время – Предгорный Крым, Боспор и нижнедонские городища (рис.3 – 5). Картина становится еще более четкой при анализе каждой серии и группы застёжек по отдельности. Все они имеют основную область (или области) своего распространения и более или менее резко выраженную периферию, постепенно угасающую по мере удаления от центра. Часто наблюдается совпадение районов высокой концентрации находок сразу нескольких фибульных групп, нередко сопровождающееся наличием здесь украшений смешанного типа (так называемых "гибридных"). Некоторые находки, напротив, оказываются территориально обособленными и не находят себе аналогий за пределами своего ареала. Все эти факты служат важным аргументом в пользу отождествления данных мест с древними центрами фибульного производства, а отсутствие других источников информации делает их определяющими в решении интересующего нас вопроса. Вместе с тем, установление точного местонахождения древних мастерских (конкретных памятников) по-прежнему остается невозможным без археологического засвидетельствования их остатков и выявления полуфабрикатов производимых в них вещей. Однако даже самая общая характеристика районов производства фибул и определение рынков их сбыта позволяет не только проследить внутренние и отчасти внешние экономические связи населения Юга Восточной Европы в сарматское время, но и сделать в этой связи важные исторические выводы.

Картографирование фибул первой хронологической группы (вторая половина II – I вв. до н.э.) демонстрирует концентрацию этих изделий сразу в нескольких культурно обособленных регионах – Нижнем Поднепровье, Центральном и Северо-Западном Крыму, Прикубанье и Северном Кавказе (рис.1). При этом их типологический состав в упомянутых районах сильно различается: на Северном Кавказе известны в основном "расчлененные" фибулы, в Прикубанье – двухгольные броши, в Центральном Крыму

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗАСТЕЖЕК-ФИБУЛ)**

– надвязные застезки "неапольского" варианта, в Северо-Западной части полуострова – скрепленные и надвязные "беляуские", на Нижнем Днепре – только скрепленные. Важно отметить практически полное отсутствие фибул данной хронологической группы в античных городах Северного Причерноморья (за исключением Ольвии), хотя общее их число уже весьма значительно (около 300 экз.). Это обстоятельство позволяет заключить, что фибульное производство на Юге Восточной Европы зародилось в местной варварской среде (причем, по-видимому, сразу в нескольких регионах), а не в боспорских ремесленных центрах, как это считалось ранее; и именно местные варвары, а не пришлые кельты, привнесли его затем в античные города Северного Причерноморья уже как один из элементов своей культуры.

Обращает на себя внимание совпадение ареалов отдельных типов фибул с определенными этнокультурными массивами. Так, золотые двухигольные броши сосредоточены в основном на сиракских памятниках Прикубанья, "расчлененные" фибулы с бусинами на дужке – в могильниках северокавказских горцев, простые гладкопроволочные – в захоронениях поздних скифов и сармат. Внутри последних имеются и свои различия: консервативно настроенные племена Предгорного Крыма явно предпочитали надвязные изделия ("неапольского" варианта), более восприимчивые к западному влиянию скифы Нижнего Днепра и Северо-Западного Крыма чаще использовали скрепленные (а позднее и надвязные "беляуские"), а получавшие свои застезки от соседей сарматы применяли как те, так и другие, не проявляя особых вкусовых предпочтений.

Любопытная деталь – полное отсутствие в Северном Причерноморье фибул, несомненно завезенных с территории зарубинецкой культуры (в том числе и у территориально граничивших с нею сармат). Немногочисленные местные застезки с треугольно расширенным концом ножки не только отличаются от собственно зарубинецких своими индивидуальными особенностями (в частности 4-витковой пружиной, проволочной дужкой и неорнаментированным щитком), но и концентрируются в основном в удаленной от ее ареала области – Предгорном Крыму. Нет и типичных причерноморских вещей на зарубинецких памятниках (хотя отдельные зарубинецкие предметы – например, лепные остросереберные миски – в позднескифских захоронениях все же присутствуют). В целом, складывается впечатление о довольно сдержанных экономических отношениях между зарубинецкими племенами и их южными соседями – поздними скифами и сарматами, тесно контактировавшими друг с другом.

Устоявшиеся на раннем этапе связи между отдельными племенами и народами Юга Восточной Европы сохраняются и в последующее время – в период, непосредственно предшествующий широкому распространению римского импорта (конец I в. до н.э. – первая половина I в. н.э.). Фибулы второй хронологической группы в целом концентрируются в тех же районах, что и выше описанные, хотя их типологический состав полностью меняется (рис.2). Нивелируются и региональные вкусовые предпочтения (в первую очередь, за счет повсеместного распространения лучковых подвязных фибул), однако сложившиеся ранее экономические отношения сохраняются: золотые двухигольные броши по-прежнему поступают из античных центров в основном в Прикубанье, а сарматы причерноморских и волго-донских степей получают свои застезки от поздних скифов Нижнего Днепра и Крыма.

Эта ситуация коренным образом меняется только в середине I в. н.э., когда мощные передвижения племен полностью изменили этнополитическую карту региона [12, с.70]. На месте старых образований появляются новые: в степи – это среднесарматская культура, в Крыму – памятники типа Бельбека IV, на Нижнем Дону – система укрепленных городищ типа Кобяковского и Нижне-Гниловского. Меняется и территориальное распределение фибул. Застезки третьей хронологической группы (вторая половина I – начало II вв. н.э.) сосредоточены в основном в Юго-Западном и Центральном Крыму, а также на Керченском полуострове и на Нижнем Дону (рис.3). Их типологический состав всюду абсолютно новый, вновь появляются территориальные различия. Так, ведущий тип украшений у населения нижнедонских городищ – фибулы с кнопкой на конце приемника, застезки других типов – лучковые подвязные, с завитком на конце приемника, пружинные фибулы-броши и пр. – немногочисленны. Напротив, на Керченском полуострове доминируют образцы с завитком на конце приемника, в то время как экземпляры с кнопкой на конце приемника встречаются лишь единично. Среди других типичных для Боспора застезек следует отметить лучковые подвязные, миниатюрные с выпуклой спинкой и дужковые с двумя иглами. В Центральном и Юго-Западном Крыму в это время используются в целом те же разновидности фибул, что и на Керченском полуострове, но их соотношение несколько иное – преобладают лучковые подвязные изделия.

Во второй половине I – начале II вв. н.э. наблюдается некоторое обособление Нижнего Поднепровья. Именно здесь бытует основная масса лучковых подвязных фибул, отличающихся от других однотипных образцов крупными размерами и плавно изогнутым корпусом, и именно здесь отмечена самая высокая доля лучковых подвязных украшений с выпуклой спинкой. О месте изготовления этих изделий судить сложно из-за небольшого числа их находок. Однако равномерно тянутая проволока, из которой сделаны все изделия, и их аккуратный облик (черты, нехарактерные для основной массы лучковых подвязных фибул этого времени), предполагают существование хорошо налаженного производства с высококвалифицированными мастерами. В этой связи изготовление описанных застезек следует связывать с одним из античных производственных центров, скорее всего, с расположенной рядом Ольвией.

Со второй половины I в. н.э. после освоения сарматами степных пространств днестро-прутского междуречья начинается проникновение в Северное Причерноморье дакийских застезек – ложечковидных, сильно профилированных с бусинами на дужке и с расширенной головкой. Их незначительное количество и концентрация в основном у западных границ региона свидетельствуют скорее о сложении в этот период

тесных взаимоотношений между сарматами и даками, чем об организации целенаправленной торговой экспансии со стороны последних.

Абсолютно иная картина обрисовывается при анализе синхронных им провинциально-римских застежек – шарнирных дуговидных типа "Авцисса" и брошей с шарниром из двух стоек без эмали. Огромное число их находок (почти шестая часть от общего количества украшений этого периода) и территориальная привязка большинства из них к восточной части Северного Причерноморья при практически полном отсутствии в западных областях и дунайских провинциях Империи предполагают прямые поставки таких украшений на северопричерноморские рынки сбыта непосредственно из мест их производства – западно-римских провинций. Здесь следует отметить, что на этот же промежуток времени (вторая половина I – начало II вв. н.э.) приходится и пик импорта на Юг Восточной Европы других провинциально-римских изделий, в частности, бронзовой посуды и краснолаковой керамики (в первую очередь так называемой самосской) [3, с.249-250; 4, с.7; 15, s.62]. Рассуждая о путях поступления в регион столь крупных партий товаров, следует, по-видимому, отдать предпочтение морским коммуникациям. Осуществление больших поставок наземным путем, тем более через Кавказские горы, как это предполагают некоторые исследователи [7, с.229-230; 13, с.68], представляется весьма затруднительным мероприятием. Необходимо также подчеркнуть, что провинциально-римские застежки на Северном Кавказе всюду встречаются вместе с типично причерноморскими типами украшений – фибулами лучковыми подвязными, с кнопкой и с завитком на конце приемника, дужковыми с двумя иглами, а позднее и с сильно профилированными с бусинами на дужке, в то время как закавказские изделия в регионе практически отсутствуют. Этот факт несомненно указывает на ведущую роль причерноморских центров (в первую очередь Пантикапея и Танаиса) в перераспределении на Юге Восточной Европы провинциально-римских товаров и второстепенное значение других посредников.

Период формирования позднесарматской культуры (большая часть II в. н.э.) не привнес в сложившиеся на Юге Восточной Европы взаимоотношения сколь либо заметных изменений. Фибулы четвертой хронологической группы по-прежнему концентрируются в основном в Крыму и низовьях Дона, хотя на данном этапе значительно увеличивается количество застежек и в Прикубанье (рис.4). Больше фибул стало встречаться в степи, где теперь доминируют сильно профилированные образцы с бусинами на дужке. Возросло число фибульных находок и на Кавказе – здесь также господствуют сильно профилированные застежки с бусинами на дужке, хотя изредка встречаются и другие изделия, в частности лучковые подвязные и с кнопкой на конце приемника.

По-видимому, только в начале II в. н.э. главным центром по производству фибул на Юге Восточной Европы становится Нижний Дон. Именно здесь находятся районы самой высокой концентрации всех ведущих типов фибул этого времени – лучковых подвязных, с кнопкой на конце приемника и сильно профилированных с бусинами на дужке, и именно здесь чаще всего встречаются их гибридные модификации. С нижнедонских городищ застежки поступают как к сарматам волго-донских степей, так и к меотам Кубани, горцам Северного Кавказа и смешанному населению Предгорного Крыма.

Собственное фибульное производство, несомненно, сохранялось и на Боспоре, однако судить о видах изготавливаемой здесь продукции трудно из-за отсутствия ее ярко выраженной специфики. Единственная группа застежек, безусловно производимая на Керченском полуострове в течение II в. н.э., – фибулы с завитком на конце приемника.

В Центральном и Юго-Западном Крыму в период формирования позднесарматской культуры наблюдается огромная популярность смычковых фибул и лучковых подвязных "инкерманской" серии. Постепенное увеличение их количества по мере приближения к Гераклеюскому полуострову указывает на производство таких украшений в Херсонесе, однако небольшое число их находок в самом городе несколько противоречит этому утверждению.

Есть основания предполагать сохранение фибульного производства и в Ольвии. Здесь фиксируется значительная часть сильно профилированных фибул с бусинами на дужке с нижней тетивой, недалеко от города сосредоточены и другие их находки. Из других локальных фибульных производств, существовавших во II в. н.э., следует отметить ремесленные мастерские Восточного Кавказа. Концентрация в этом регионе своеобразных миниатюрных шарнирных застежек и отсутствие близких аналогий им за его пределами несомненно свидетельствуют о местном происхождении таких украшений.

В период формирования позднесарматской культуры продолжается поступление на Юг Восточной Европы провинциально-римских шарнирных застежек, однако объемы их поставок (как и других провинциально-римских товаров) в это время резко сокращаются. Территория распространения данных изделий – в основном восточная часть Северного Причерноморья – совпадает с ареалом шарнирных образцов предшествующего времени, что служит достаточным основанием по-прежнему рассматривать боспорские города как главный центр посреднической торговли. Открытие римлянами после оккупации Дакии (106 г. н.э.) сухопутного пути для своих товаров через дунайские провинции и Северо-Западное Причерноморье не привнесло серьезных изменений в традиционные маршруты их перевозок. Несомненно поступающие таким образом застежки – сильно профилированные фибулы с бусинами на дужке и провинциальные с расширенной головкой – оседали в основном в западной части Северного Причерноморья и не составляли большой конкуренции ввозимым морским путем образцам из западных римских провинций.

В период повсеместного господства позднесарматской культуры (заключительная часть II – первая половина III вв. н.э.) диспропорции в территориальном распределении фибул на Юге Восточной Европы

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗАСТЕЖЕК-ФИБУЛ)**

сглаживаются главным образом за счет резкого увеличения их количества в волго-донских и приуральских степях (рис.5). Особенно большим числом находок (за счет смычковых фибул, часто встречающихся в одном погребении по 8-10 и более экземпляров) в это время выделяется только Крым. Концентрация застежек на нижнедонских городищах выглядит теперь уже не столь выразительно, однако сомнений в том, что этот регион по-прежнему является главным центром производства фибул на Юге Восточной Европы, не возникает. Перечень изготавливаемой здесь продукции в конце II в. н.э. сокращается, по сути, до двух наименований – фибул сильно профилированных с бусинами на дужке и лучковых подвязных, причем последние явно доминируют. С городищ эти застежки поступают в основном к сарматам волго-донских степей, у которых в это время наблюдается настоящий "фибульный бум" – фибулы встречаются в каждом третьем захоронении [5, с. 144], в другие области их завоз заметно сокращается. В результате в удаленных от Нижнего Дона районах, где спрос на металлические застежки также возрос, формируется своеобразный "фибульный голод" (яркое свидетельство тому – появление огромного числа отремонтированных образцов, особенно, в Крыму). Возможно, именно это обстоятельство подтолкнуло к возникновению на Юге Восточной Европы новых производственных центров: с конца II в. н.э. начинают изготавливать фибулы в Южном Приуралье (с завитком на конце приемника и лучковые подвязные) [9, с. 192-194], в это же время возобновляется производство застежек на Северном Кавказе (шарнирных дуговидных и, по-видимому, сильно профилированных с бусинами на дужке) [1, с. 104-105]. Расширяются и объемы выпуска продукции в функционировавших ранее мастерских, в частности на Гераклеюском полуострове (в Херсонесе? – смычковых и лучковых подвязных "инкерманской" серии) и, вероятно, на Боспоре (с завитком на конце приемника и, предположительно, лучковых подвязных). Увеличились и поставки шарнирных украшений из западных римских провинций (хотя последние так и не достигли уровня поставок, существовавших в период расцвета среднесарматской культуры), осуществлявшиеся, как и ранее, морским путем в основном через боспорские города. Возрос и импорт сильно профилированных фибул с расширенной головкой из Подунавья, поступающих в основном через Северо-Западное Причерноморье. Однако даже эти дополнительные источники товара так и не смогли полностью покрыть огромный спрос на металлические застежки-фибулы, который сложился на Юге Восточной Европы в конце II – первой половине III вв. н.э.

Тотальный разгром северопричерноморских производственных центров, учиненный готами в середине III в. н.э., привел в полный упадок всю экономику региона. После него производство старых типов застежек сохранилось лишь в не пострадавших от погрома районах, в частности, в Южном Приуралье (фибул с завитком на конце приемника) и Гераклеюском полуострове (лучковых подвязных "инкерманской" серии и смычковых).

Очень сложно судить о месте изготовления ведущего типа украшений шестой хронологической группы (вторая половина III в. н.э.) – двучленных лучковых подвязных фибул. Такие изделия, наряду с небольшим количеством застежек других типов, бытовавших в это время, известны повсеместно, но нигде не создают сколь либо заметных скоплений находок (рис.6). А.К. Амброз связывал их производство с Северным Кавказом и Боспором [2, с.92]. Г. Дьякону отождествлял его с Нижним Подунавьем [14, с.235]. А.А. Труфанов не исключил из списка возможных производственных центров и Крым [11, с.152]. Учитывая очень широкий ареал этих застежек (от Поволжья до низовий Дуная), нельзя исключать возможности их изготовления сразу во всех этих регионах. Отсутствие же ярко выраженных скоплений данных изделий, скорее всего, объясняется кратковременностью их бытования (не более 25-30 лет). Прогнутые подвязные застежки черняховской культуры, распространившиеся в Северном Причерноморье в последней четверти III в. н.э., быстро вытеснили эти украшения из употребления. В более позднее время их производство фиксируется только на Северном Кавказе, где как раз и наблюдается скопление подобных изделий в комплексах IV – V вв. н.э.

Выводы. В целом, подводя итог анализу древних центров производства фибул и их рынков сбыта, следует отметить существование на Юге Восточной Европы в течение всего периода безраздельного господства сарматских племен (II в. до н.э. – III в. н.э.) стабильных экономических связей. Так, на раннем этапе (во второй половине II в. до н.э. – первой половине I в. н.э.), на протяжении почти 200 лет сираки Кубани тесно контактировали с греками Боспора, а сарматы волго-донских и причерноморских степей – с поздними скифами Нижнего Днепра и Крыма. Эти взаимоотношения оставались неизменными вплоть до мощной подвижки племен середины I в. н.э., полностью изменившей старую этно-политическую карту региона. После этих миграций, вплоть до середины III в. н.э., главным контрагентом обширного сарматского мира становятся жители нижнедонских городищ, а население Предгорного Крыма само начинает ввозить застежки из Европейской части Боспора и других античных центров, сумев вытеснить их продукцией собственного производства (и то, не полностью) лишь к концу II в. н.э.

Нельзя не отметить и наличие у большинства народов Юга Восточной Европы устойчивых вкусовых предпочтений. Так, сираки Кубани использовали в своем костюме в основном двуигольные броши, греки Боспора – фибулы с завитком, население Кубани и Нижнего Дона – застежки с кнопкой (а позднее и сильно профилированные), поздние скифы и сарматы – гладкие проволочные украшения (сперва "среднелатенские", а затем лучковые).

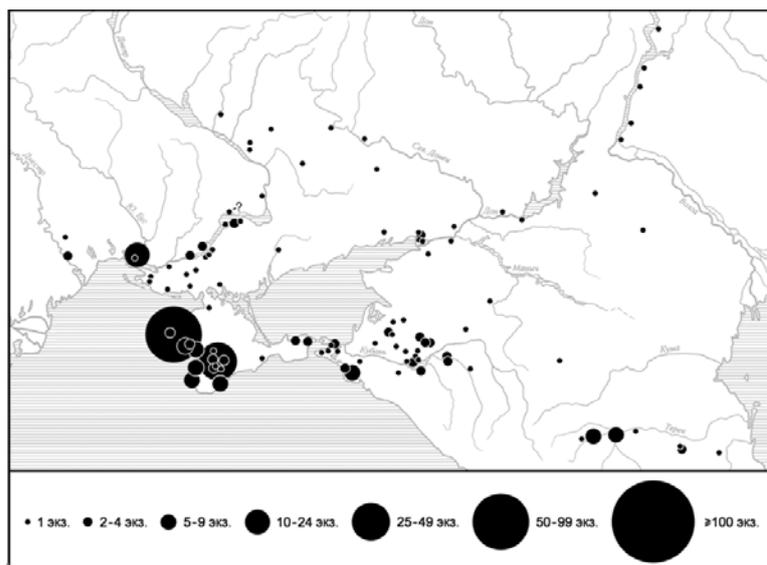

Рис.1. Схема распространения фибул второй половины II – I вв. до н.э. [6, рис. 99].

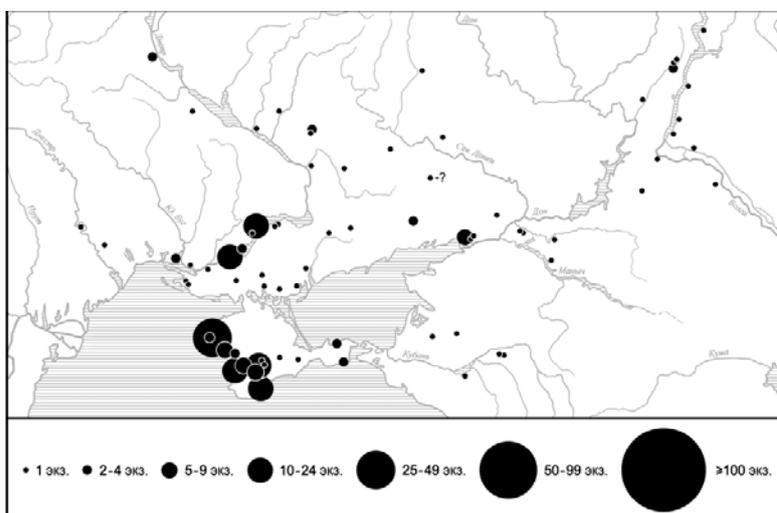

Рис.2. Схема распространения фибул конца I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. [6, рис.100].

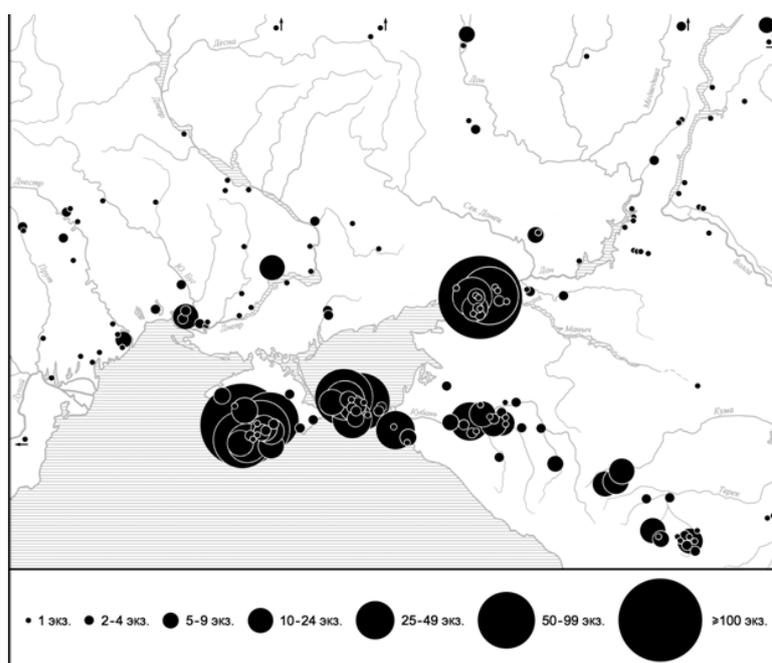

Рис.3. Схема распространения фибул второй половины I – начала II вв. н.э. [по 6, рис.101].

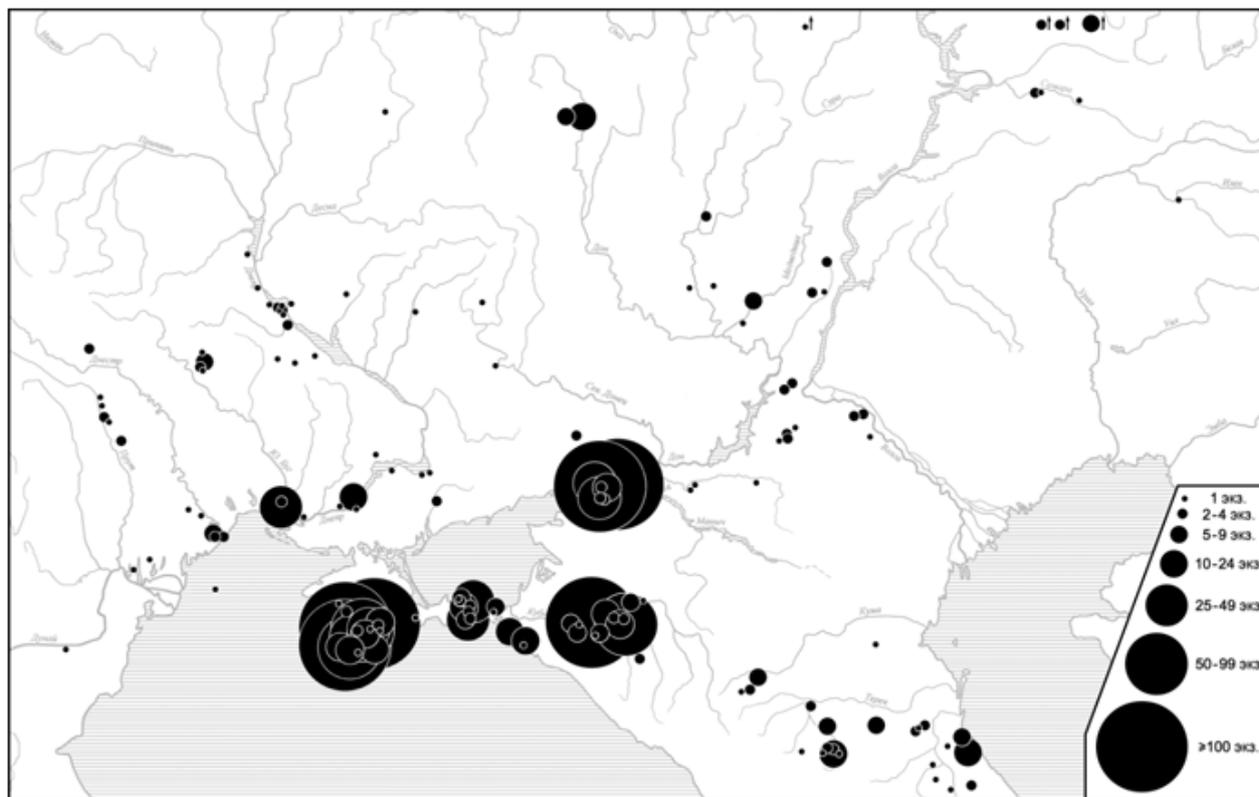
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗАСТЕЖЕК-ФИБУЛ)

Рис.4. Схема распространения фибул II в. н.э. [6, рис.102].

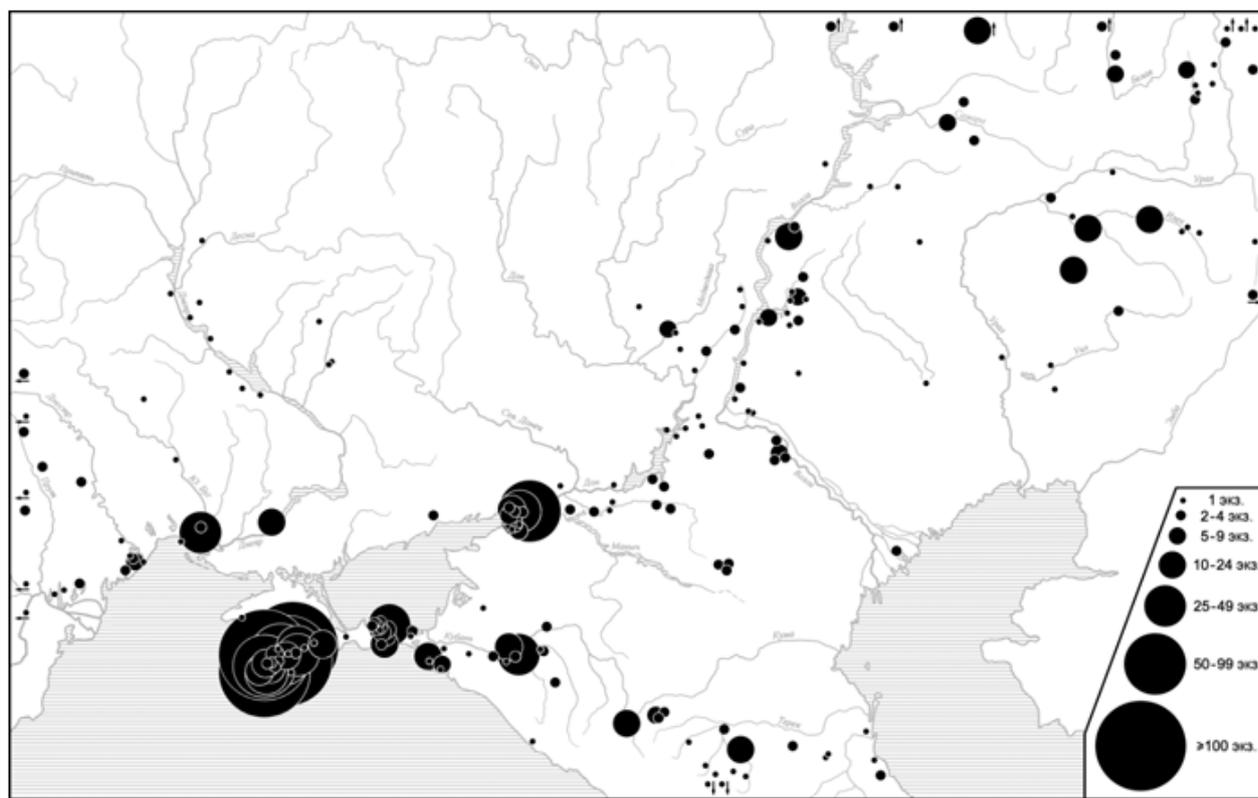

Рис.5. Схема распространения фибул конца II – первой половины III в. н.э. [6, рис.103].

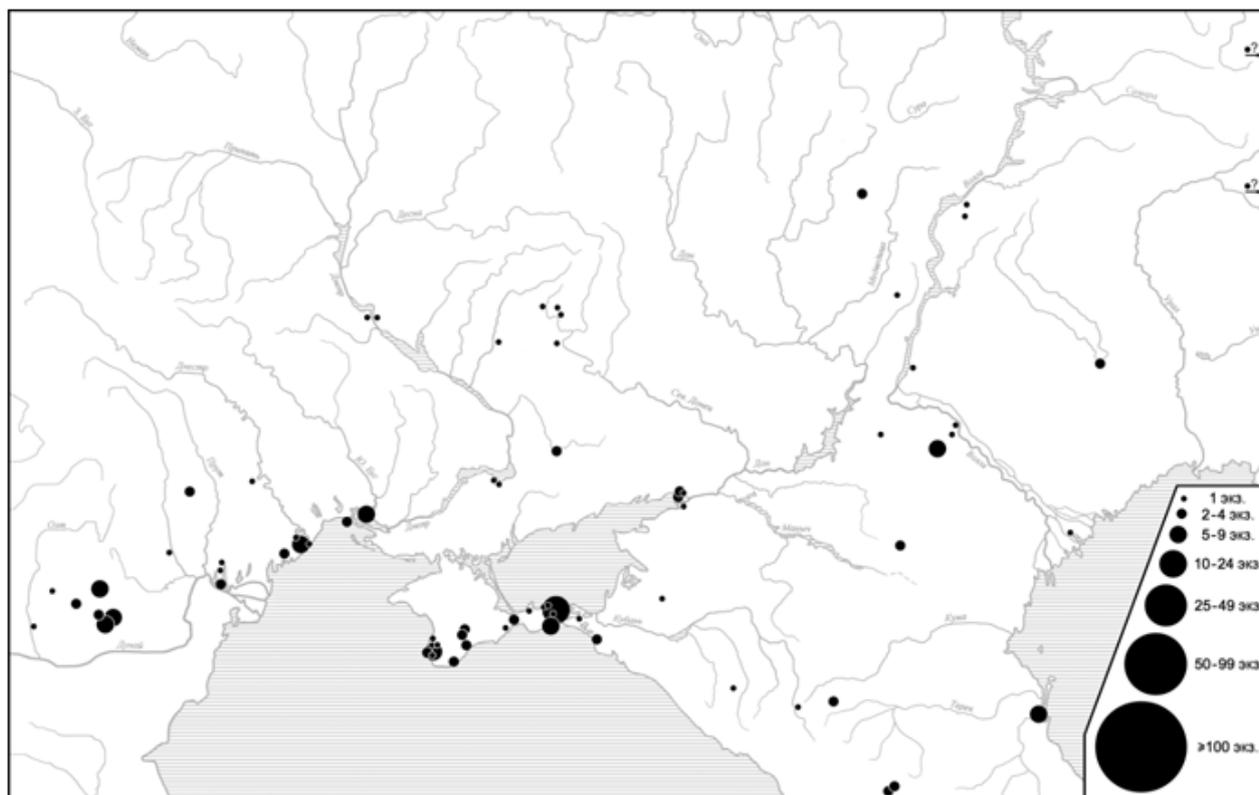

Рис.6. Схема распространения фибул второй половины III в. н.э. [6, рис.104].

Со второй половины I в. н.э. на Юг Восточной Европы начинают активно поступать провинциально-римские товары (в том числе и фибулы), ведущую роль в перераспределении которых неизменно осуществляли боспорские города. После оккупации римлянами Дакии (108 г. н.э.) провинциальные застезки завозятся в регион и через Северо-Западное Причерноморье, однако это направление в грузоперевозках между Югом Восточной Европы и Римской империей большого значения не имело.

Бурные события середины III в. н.э. полностью нарушили традиционные экономические связи Юга Восточной Европы с другими областями и прервали его внутреннее развитие. Последовавшее вслед за тем освоение Северного Причерноморья носителями черняховской культуры не только привнесло в регион моду на центрально-европейские типы застезек, но и положило начало новой, позднеантичной эпохе.

Источники и литература:

1. Абрамова М. П. Фибулы Хумаринского могильника (II - III вв. н.э.) / М. П. Абрамова // Историко-археологический альманах. – 1996. – Вып.2. – С. 100–105.
2. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. - IV в. н.э. / А. К. Амброз. – М. : Наука, 1966. – 150 с. – (САИ; вып. Д1-30).
3. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика группы Восточная сигиллята В из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму / Д. В. Журавлев // Древности Евразии. – М., 1997. – С. 227–260.
4. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. (по материалам позднекифских некрополей Бельбекской долины): автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. : спец. 07.00.06 / Д. В. Журавлев. – М., 2006. – 20 с.
5. Кривошеев М. В. Фибулы из сарматских комплексов второй половины II - первой половины III вв. н.э. в южной части Волго-Донского междуречья / М. В. Кривошеев // IV Кубанская археологическая конференция: материалы. – Краснодар, 2005. – С. 144–146.
6. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи / В. В. Кропотов. – К. : АДЕФ-Украина, 2010. – 384 с.
7. Лимберис Н. Ю. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья / Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко // Материалы и исследования по археологии Кубани. – 2004. – Вып.4. – С. 221–241.
8. Михлин Б. Ю. Фибулы Беляусского могильника / Б. Ю. Михлин // СА. – 1980. – №3. – С. 194–213.
9. Мошкова М. Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства / М. Г. Мошкова // Нижневолжский археологический вестник. – 2000. – Вып.3. – С. 186–200.
10. Нефедова Е. С. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма / Е. С. Нефедова // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. – М. : Изд-во МГУ, 1991. – С. 196–206.
11. Труфанов А. А. Некоторые датировочные признаки в конструкции лучковых фибул Северного Причерноморья / А. А. Труфанов // Боспорский феномен : проблемы хронологии и датировки памятников. – 2004. – Ч.2. – С. 152–158.

12. Шукин М. Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. н.э. в Центральной и Восточной Европе / М. Б. Шукин // СА. – 1989. – №1. – С. 70–83.
13. Шукин М. Б. Фибулы типа "Алезия" из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры / М. Б. Шукин // СА. – 1989. – №3. – С. 61–70.
14. Diaconu Gh. Über die Fibel mit umgeschlagenem Fuss in Dazien / Gh. Diaconu // Dacia. – 1971. – Т. XV. – P. 239–267.
15. Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin / B. A. Raev // BAR International Series. – №278. – Oxford, 1986. – 136 p.

Ничипорук Н.Г.

УДК 061.235(477.75-13)«1903»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЯЛТИНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В 1903 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОМА-МУЗЕЯ А. П. ЧЕХОВА В ЯЛТЕ)

***Аннотация.** В статье подробно рассматривается отчет Ялтинского благотворительного общества о его работе за 1903г. Актуальность заявленной темы обусловлена возрастающей ролью благотворительных организаций в жизни современного украинского общества и необходимостью использовать позитивный опыт аналогичных дореволюционных организаций. Целью исследования является всесторонний анализ деятельности Ялтинского благотворительного общества в 1903г. Делается вывод о многофункциональности деятельности Ялтинского благотворительного общества.*

***Ключевые слова:** благотворительность, попечитель, приют, призрение бедных.*

***Анотація.** У статті докладно розглядається звіт Ялтинського благодійного товариства про його роботу за 1903 р. Актуальність заявленої теми обумовлена зростаючою роллю благодійних організацій в житті сучасного українського суспільства та необхідністю використовувати позитивний досвід аналогічних дореволюційних організацій. Метою дослідження є всебічний аналіз діяльності Ялтинського благодійного товариства у 1903 р. Робиться висновок про багатofункціональність діяльності Ялтинського благодійного товариства.*

***Ключові слова:** благодійність, попечитель, притулок, піклування бідних.*

***Summary.** In the article is examined the report Yalta Charitable Society on its work in 1903. The relevance of the declared theme due to increasing role of charities in contemporary Ukrainian society and the necessity of using the positive experience of the similar pre-revolutionary organizations. The comprehensive analysis of activity of the Yalta Charitable Society in 1903 is the purpose of this study. The structure of the Yalta Charitable Society, which included shelters, guardianships, a dining room, a tea room and other charities, is considered in the article. The procedure for their functioning, depending on the time of year and the social situation in the city was determined too. Based on the study of information which contains in the report on the work of the Society in 1903 was ascertained the main sources of financing of its activity. The major of them were private donations that have been made not only in cash, but in necessary goods and services. In this regard an important role in the activities of the Society was played by citizens. Many of them were not only its activists, but also made a significant contribution of their own money to implement the necessary measures. It is concluded about multifunctionality of activity of Yalta Charitable Society and the possibility of using its experience in solving critical social problems and building the transparent structure of a charitable organization.*

***Keywords:** charity, trustee, shelter, aid to poor.*

В последние годы в Украине наблюдается устойчивая тенденция использования благотворительных средств для решения различных социальных проблем. Виды и формы благотворительной деятельности варьируются от частных фондов до неформальных групп, возникающих вокруг разнообразных благотворительных инициатив. Поскольку в советский период эти функции были полностью возложены на государство, традиции деятельности благотворительных организаций в значительной мере утрачены. В подобных условиях актуальным становится изучение опыта работы дореволюционных благотворительных организаций, одним из примеров которых является Ялтинское благотворительное общество.

В силу сложившихся исторических условий изучение и применение опыта благотворительной деятельности не находило себе места в общественном процессе, полностью подвластном советской идеологии. На современном этапе наблюдается рост интереса исследователей к истории благотворительных организаций. Отечественные ученые активно разрабатывают проблемы, связанные с историей общественной благотворительности. Авторами наиболее значительных работ по этой теме являются Н.А. Колосова [5], И.С. Гребцова [1], Ю.И. Гузенко [2], А.В. Нарядко [7]. Благотворительным заведениям города Симферополя и Ялтинского уезда XIX – начала XX века посвящены статьи и монография А.Н. Савочки [8; 9; 10]. Общая характеристика благотворительной деятельности в Ялте в этот же период дана в статье Ю.Г. Долгополовой [3].

Целью данного исследования является всесторонний анализ деятельности Ялтинского благотворительного общества в 1903 г. Его задачами выступают: 1) изучение структуры Ялтинского благотворительного общества, 2) определение порядка функционирования подведомственных Обществу учреждений, 3) выявление основных источников финансирования деятельности Общества.

В Доме-музее А.П. Чехова в Ялте в рабочем столе писателя хранится брошюра «Отчёт правления Ялтинского благотворительного общества, состоящего под Августейшим покровительством Её Императорского Высочества Великой Княгини Ксении Александровны, за 1903 год» [4], а в одной из его